

КАНИШКА

Ошибка царя царей Кушанской империи
(Из цикла «ОРИЁНО»)

История: Период правления царя Канишки (97– 120 гг. н.э.) время наивысшего расцвета экономики, культуры, обусловленного длительной, относительно мирной обстановкой и небывалым дотоле размахом международных политических, торговых связей. Власть Кушанидов распространилась до центральной Индии.

Индийская легенда: Священник Асвагхоша увидел Канишку во сне, вскоре после его кончины. Канишка рассказал, что Бог превратил его в тысячеголовую большую рыбу в океане. Но каждое утро появляется колесница и срезает ему головы, перекрашивая океан в кровавый цвет. А позже взамен вырастают новые. И так будет продолжаться вечно. Колесница остановится лишь тогда, когда зазвонит колокол в храме. Увидев этот сон, Асвагхоша приказал, чтобы в храме, построенном самим Канишкой, всегда звенел колокол, дабы душа Канишки покоилась с миром.

Современная пресса: В честь великого кушанского царя Канишки был назван авиарейс 182 компании «Air India» (Торонто – Нью-Дели), взорванный 23 июня 1985 на высоте 9500 м. над Атлантическим океаном у ирландского побережья. При взрыве погибло 329 человек, в том числе 80 детей и 280 канадских граждан, и он был признан самым масштабным терактом в истории Канады.

– Поехали, – спокойно и негромко произнёс царь царей, но властители Китая, Индии, Парфии и Рима лишились покоя. Неужели дэв войны вновь пробудился?

В то прекрасное утро, несмотря на свои годы, восьмидесятилетний великий Канишка не чувствовал ни капли усталости, а жители величайшей империи мира – Кушанского царства считали себя самыми счастливыми. Уважение к Кушанидам подчеркивали цари многих соседних стран. Уже десятки лет они никому не грозили войной. Однако в то утро пришла недобрая весть.

- Бань Чан взял в свое владение весь Синьцзян.

Царь царей тут же указал на Восток.

Восемь лет назад уже был подобный случай. Тогда Канишка позвал к себе парфянского принца Астилхансига и приказчика Нукунзака. Астилхансигу приказал, чтобы он срочно поехал договариваться с правителями Парфии и Рима, для укрепления собственного тыла. И по дороге туда заглянул к идолу - гадалыщику бедуинов. А на обратном пути захватил несколько белокожих рабынь. А другому приказчику Гхошаку поручил идти на север, взять в заложники китайцев, работающих на медных приисках, а также сообщить правителям Согда, Хатлона и Бадахшана о возможном нападении со стороны Китая. Нукунзаку властелин дал поручение в кратчайший срок отреставрировать развалившийся храм в Баголагго.

Бидахш – главный министр Маидхара передавал приказы царя и свои указания. Сотни приказчиков: одни одетые в золотые вышивки, другие в простые кафтаны, одни в тени деревьев, другие под палящим солнцем выполняли приказы царя, и бескрайная империя Кушан всколыхнулась. Вереницей выстроились колонны воинов.

Каждый раз царь царей по тысячу раз отрицал и заново утверждал свои намерения. «Не давать ответа – признак слабости» - считал он. Однако сердце почуяло подвох. Накануне гадалыщица Лулу предостерегла его от возможной ошибки. Но где, и в чём, может возникнуть ошибка, сказать не смогла. Восемь лет назад он должен был идти сам...

Что и говорить, повторение – мать истории. Восемь лет назад на территории Турфан, приграничном с Китаем городе Кушанидов, задержали и ограбили караван, а послов взяли

в заложники. Отправил он тогда полководца Сэ в дальний поход. Однако, ни после обещанных «в течение нескольких дней», ни после месяца, главный визирь Маидхара ни отправил ни соломинки для коней, ни лепешки для воинов. Голод особо чувствовался, когда они проходили высокогорные перевалы Бадахшана.

Сэ убеждал, что на месте всё уладится:

– Наш хлеб там, в руках врага, и мы отберём его силой...

Но и «там» не стало легче. В пустыне, за горами Бадахшана они не встретили ни одного ближайшего селения. Когда, наконец, дошли до первого села, увидели его пустым, без жителей и скота. Спустя четыре дня они оказались у города Турфан. Ворота города были закрыты. Сэ объявил о войне. Но никто не ответил. Никто не хотел воевать.

Старшины города пришли к Сэ и уважительно заявили:

– Добро пожаловать. Но почему мы должны воевать, когда предки половины из нас были доуэджами. Вам нужен Бань Чан. Его здесь нет. Вам следует идти на юг.

– Нам нужна еда для войска.

– О горе. Бань Чан силой отобрал у нас всё. Если не верите, отправьте своих уполномоченных, пускай они увидят всё своими глазами.

– Опять Бань Чан! Будь он проклят!

Уполномоченные быстро вернулись и доложили:

– Весь город как две капли воды похож на наши города: те же традиционные дома, которые построены в Давань и Согде, те самые подпорки для виноградных лоз, те же приветливые люди. Но все огорчены. У них на самом деле отобрали всё.

Седой воин сак пользовался большим уважением среди воинов. Он сказал:

– С кем нам воевать? Зачем воевать? Бань Чана здесь нет. Нужно идти к нему.

И они отправились на юг, в жгучую безводную пустыню.

К вечеру вдаль заметили нескольких всадников. Где воины, там и еда. Когда приблизились к ним, увидели небольшое войско. Но молниеносного успешного поединка не произошло. Сэ поскакал за ними. Будто заколдованные, враги исчезли среди песчаных холмов. Либо у них было убежище, либо их сытые кони ускакали как ветер. В любом случае воины Сэ обрадовались мнимой победе. Но только еще больше испытали жажду. Если утром все просили хлеба, то сейчас все умоляли дать им воды. Войско стало неуправляемым. Командующими стали Голод и Жажда. Сэ открыто ругал Маидхару, и это развязало руки нечистым. Строгая армия всё больше походила на группу разбойников.

Бань Чан все время отступал назад. Смелый, но неопытный Сэ думал, что враг боится его. На самом деле, у Сэ было намного больше солдат, но когда они дошли до равнинных простор Кучара, выглядели тяжело больными, у них кружилась голова, тошнило. Всего неделю назад эта могучая армия одним махом могла раздавить любого врага.

Саки клялись, что если дать им по одной чашке супа, возьмут своим мечом всю землю и небо! Бактрийцы обещали восстановить государство Кушанидов всего за кувшин пресной воды.

В небольшом городе Кучар, у подножия гор, войско Сэ попало в ловушку Бань Чана. Произошла небольшая стычка. Бань Чан отказался от продолжения бойни и предложил мирно разойтись. Верхушка командования согласилась и Сэ не смог им противостоять. Бесчисленное войско Кушанидов возвращалось назад. Бань Чан выполнил своё обещание и никого не убил. Но часть воинов погибла по дороге, многие застряли в зыбучих песках во время бури. Большая часть умерла от постоянного голода, жажды и неизвестной эпидемии.

Это было позором для Кушанидов, первым провалом после пятидесятилетних побед. Царская знать, искавшая приключения, пыталась объяснить причину провала, но никто в столице не ценил слова побеждённых. Главный министр Маидхара с ловкостью отверг все обвинения в свой адрес, и причину позора валил на неопытность и предательство Сэ.

Слова Бань Чана подтвердились: Сэ ослабился и некоторое время спустя его вовсе позабыли. Но имя Бань Чана в Китае помнят и поныне, считают его героем.

История: Пан Чен был объявлен царём-представителем Кушанидов в провинции Кашгара, но Кушаниды задержались там ненадолго. В 125 г. армия Китая захватила Кашгар. Очередное насилие правительства Китая в Синьцзяне в 132 г. стало причиной следующего нападения Кушанидов. Но неумелость командармов, удалённость от Бактрии и жадность министров привели к поражению.

***

Неделю назад, в полнолуние известная гадалщица Лулу из сакских степей начала своё колдовство. Многие люди испытывали страх, находясь перед царём. Но только не Лулу. А сколько гадалщиц увидал в своем веку Канишка, не счесть. Держался он всегда спокойно. А тут, перед молоденькой красавицей, сердце его начало волноваться.

Лулу нарядилась в чёрный халат с незамысловатыми позолоченными рисунками: иногда они казались головой дракона, иногда волчицей. Она встретила царя с улыбкой, поклонилась и попросила разрешения сесть на белый ковер с нарисованными на нем схемами. Канишка увидел перед собой изображение Уммо – божества арийских кочевников. Уже давно они стали оседлыми, но до сих пор оберегали свои обычаи и верование.

Мягким нежным тоном Лулу спросила:

– О царь царей, ты готов к беседе с великим Уммо?

– Да, и посылаю великому Уммо приветствие.

– Добро пожаловать. Сперва необходимо очистить сердце и разум.

– Я чист перед тобою и эзидами.

– Лулу не будет здесь. Ты останешься наедине с огнём и Уммо. Будет жарко. Если тебе не трудно, сними царскую корону и поставь перед собой. Сними и золотой пояс.

Хотя маленькая Лулу казалась, еще ребенком, 80-летний могущественный царь царей беспрекословно выполнял все ее требования. Лулу начала магию. Её голос изменился, а слова зазвучали будто с того света.

– Чёрнота давит твоё сердце. Отведи её.

– Отвел.

– Пока не получилось.

– Тогда, это не в моих силах.

– На всё воля Бога. Прости тех, кто жаждет пощады.

– Простил.

– Обещай выполнить желания первых десяти посетителей, которые завтра пожалуют в твой двор.

– Обещаю.

– Теперь взгляни в огонь.

Свечи сами по себе погасли. Посреди комнаты без дров и сухих трав, треща, разгорелся огонь. Благовоние охватило всю комнату. Лулу начала говорить непонятным для Канишки языком и обратилась к огню. Похоже, она пела особую песню.

– Ааоооооуууууммммм ... Уммаа... Уммаааа...

Слова повторялись друг за другом непрерывно, создавая особенную мелодию. Канишка почувствовал себя беспомощным, огонь давал теплоту и сил. Так и попал он в мир магии.

Женщина дала нектар хаомы на пожертвование огню.

Вдруг сердце царя царей затрепетало. Его внимание отвлекли слова, и он не заметил, как от огня отделилась струя пламени, и появились тени, похожие на людей. Они горели в огне и исчезали. Один из них остался дольше. На голове его была корона, а вокруг головы свет. Его губы зашевелились. Он что-то сказал. Видно, что был недоволен. Канишка попытался лучше разглядеть его лицо, но видение исчезло, и спустя минуту появилось

существо, похожее на Волка Герехмо. Его рисунок был изображен и на знаменах бывших полководцев юэджи. Красный волк открыл пасть и оттуда хлынул ослепляющий огонь.

Лулу произнесла что-то и тоже ответила раздуванием. Из её рта хлынул яркий огонь. Волк не выдержал и исчез. Затем явилось видение, похожее на дракона. Лулу быстро прочитала молитву и раздула огонь на дракона. И он стал исчезать. Но в последний момент он успел выпустить огонь. Лулу открыла подол халата, приняв огонь на себя. Он ударил по халату, поцеловав лицо женщины, ринулся вверх. Наверху загорелось что-то, похожее на веточку с бутонами. Обоих окутал едкий дым.

Канишка увидел, что дракон до сих пор тут. Он зарычал, и женщина стала еще громче петь слова молитвы. Вдруг он разогнал огонь прямо им в лицо. Царь увидел вблизи вспышку огня, но Лулу сумела своим халатом закрыть лицо царя царей.

Наступило недолгое молчание. Были слышны лишь отзвуки горящих предметов.

Когда Лулу сняла с головы царя свой волшебный халат, Канишка увидел, что всё вокруг горит. Под ногами лежал палящий пепел. Теперь он понял, почему нужно было снимать золотую корону и пояс.

Внезапно наверху показался свет. Что-то горело. Царь увидел там, как в зеркале своё отражение.

Потом огонь вовсе угас. Сами по себе загорелись свечи. Лулу вспотела, на ней не было никаких следов от огня, но цвет её халата стал багровым.

– Извини, царь, дракон был намного сильнее меня,- сказала Лулу.

– Что это было?

– Огонь дужангхи.

Гадальщица умолкла.

– Ну, и... Скажи, Лулу. Что меня ждёт?

– Извини царь царей. Не могу передать все то, что слышала. Мне это непостижимо.

– Не бойся моего гнева, я должен знать, что мне делать и о чем думать?

– Да. Но я не понимаю сущность того, что услышала. Потому точь в точь передам слова Мара: - «Ты отказался от чёрного дела, но... заново вернёшься к нему».

– Над моей головой, слева и справа светилось пламя. Что это было?

– Твое имя останется вечно.

– Ты ограждаешь меня от воздействия моих же злоключений.

- Единственное, что я поняла и могу передать тебе - ты допустил ошибку.

- Теперь слушай меня. Этот дракон символ времени. Пройдет и мой век, и вместе со мной исчезнут созданные мною дворцы, статуи, исчезнет моя империя, все приобретет облик сожжённого потерянного рая, как останки дворцов римлян и греков в пустынях Бактрии. Забудет народ обо всем. Но в чём мой промах? И почему нагрянет такой ужас? Где я допустил ошибку?

- Это мне неведомо.

- Три раза я клялся перед Богами: в первый раз пообещал воссоединить всю Ариану – страну моих предков. Не полностью, но достиг этого. В Парфии не захотел проливать кровь моих же сородичей. Во второй раз, поклялся больше не убить людей. Но мне все же пришлось повесить нескольких воров, мошенников и предателей. Ибо политика без наказания не может существовать. В третий раз, самое главное, поклялся построить у себя на родине города, похожие на рай, чтобы все жители были вечно счастливы. Но чем я провинился перед Богом?

– Не могу понять.

– Разве не счастливы в моей стране даже рабы и рабыни? Разве мало я забочусь о пленниках и заложниках? Я поселил их вблизи величайших храмов, чтоб они были защищены богами, в дальних, но красивейших уголках страны, чтобы не скучали по близким и любимым. Скажи, где боги намекнули хоть на капельку несправедливости в моем правлении? Кто были те огненные лица, один из которых был похож на моего прадеда?

– Мой повелитель, царство тебе небесное. Эти лица, их было семь, они чем-то недовольны. Но они предостерегали тебя от твоего же намерения. Они предупреждали: «Если из-за твоей политики не сбываются добрые начинания, значит, ты губишь их уже после их кончины. Если чиновник твой незаслуженно обидел подчиненного, пользуясь властью данный тобой, значит, это ты обидел его, а если кто-то обижен на царя, это равносильно тому, что ты пролил их кровь. Вот почему их не шадил огонь возмездия Его величества Времени.

Царь задумался.

– Теперь понятно. Но меня сейчас тревожит другое: откуда на меня настанет огонь? Из каких восьми сторон света? С неба, воды, земли?

– Удар будет нанесён дважды: первый - из твоего окружения, второй - из запада. Но кто внутренний враг, и кто внешний, никто не знает.

– Озадачила ты меня, дочь Уммо. Но спасибо. Ты помогла мне разобраться в моих мыслях.

– Пусть умилоствят тебя боги, шахиншах. Воистину ты щедр и велик.

- В чём может быть моя ошибка?

- Мне ли знать о царских делах?

- А на что намекают твои звёзды?

- Они говорят, обида одного человека, даже если он раб, и целого народа, одинаково преследуется божьей карой.

Царь царей неуклюжим движением, как обычную вещь надел корону на голову, взял пояс в руки и задумчиво вышел.

Вот и думал владыка, когда же он допустил ошибку. Мысли царя побежали на 65 лет назад, когда справляли обряд «куштибандон» - пора зрелости зороастрийца.

Молодой, обузданный конь привёл царя царей в пустыню. Канишка с любовью посмотрел на бесконечные поля. Здесь прошло его детство, здесь он учился. Особенно впечатляющей была история Тоюэджих. Уроки проходили на развалинах бывших дворцов Бактрии, которые были сожжены греками.

- Когда-то тысяча тоюэджих на бегущих конях, дошли до Бактрии, - говорил учитель, - а с давних пор между Кушанидами и Китаем не было разногласий. Вспомнил о договоре, подписанном его дедом Куджулы Кадфизом и послом Китая Чжан Цяном. Во втором веке до нашей эры произошла очередная продолжительная засуха, заставив мигрировать жителей необъятных полей и пустынь Азии и Европы. Одно племя или союз племен напали на пастбище своих соседей, те в свою очередь были вынуждены напасть на пастбище других. Миграция в основном была с Востока, из отдалённых краев Азии на запад. Кочевники, как ливень дошли до Парфии и Чёрного моря, так же охватили Кангху, Сырдарью и долины Амударьи. Почти все кочевники имели родственные узы с местными жителями. Поэтому жители Согда и Бактрии встретили тоюэджих как своих союзников в борьбе против греческих и римских правителей. Уже во времена правления римлян Согд отделился от Греко-Бактрийского государства.

Принц задавал много вопросов.

– Кто мы?

– Мы Кушаниды.

– Почему Кушаниды?

– Наш род звался Тоюэджих. Мы жили на севере просторных полей Бактрии и Согда. Затем пришли греческие захватчики. Наши предки не допустили поражения, они не хотели стать рабами чужестранцев. Поэтому после ряда битв, оставили родину своих предков и переехали в пустыни Восточного Турана.

– Почему наша родина называется Кушаном?

– Наша родина – Ариана пала под натиском Греко-Римской армии Александра Македонского. Но правление греческих правителей продлилось недолго. Местные жители, в том числе племя Тоюэджих, изгнанные из родины, и замученные в восточных пустынях

Турана, увидели в греках иностранных захватчиков и прародителей. Наш прадед Герай объединил под единым знаменем пять свободных областей, и на монетах приказал начеканить «Герай – Кушанский санаб». Это название села, где он родился. И новое государство стали называть Кушанским.

Мальчик поклялся:

– Когда я вырасту, возьму на себя ответственность за безопасность Родины и спокойствие моего народа, буду как мой дед, правосудие и радость людей поставлю выше своей жизни. ...

Минуло шесть десятилетий.

Если считать Китай началом, а Рим концом шёлкового пути, то Кушан являлся соединителем этих дорог и главным органом бесчисленных каналов по ширине и длине этой дороги. Несколько десятилетий караваны несли добро и богатство, соединяя культуру различных народов. Но теперь, в отношениях Кушанидов и Китая появился такой мёртвый узел, который никто не был в силах открыть. Только меч мог одним махом срезать этот узел.

Потому Канишка лично руководил караваном смерти. Но его опустошённое сердце ничто не радовало. Он не хотел допустить ошибку, хотя был уверен, что выбрал единственный верный путь. Ему казалось, что и триада ДАО – религия древнего Китая, подтвердит его решение: «Достигший совершенства – справедлив. Тот может быть Царем. А путь Царя - путь Неба, Путь Неба - путь ДАО. Путь ДАО вечен и безопасен».

Караван царя выехал из города. Золотая колесница Канишки придавала всем сил, пробуждала и предупреждала, что сейчас произойдет самое важное дело на земле. Ведь 80– летний царь Канишка сам так считал.

Царь царей был спокоен за себя, не придавал значения сообщению осведомителя Рустахама о Маидхаре и его сговоре с двумя командующими.

– Кому нужна жизнь 80–летнего старика? Наследники уже назначены, в столице все дела уже отданы в руки сыну Васишки. Но ты продолжай наблюдения.

Зашел Маидхара и хотел приободрить царя:

– Достаточно лишь произнести ваше имя, чтобы войско Бань Чана рассыпалось, а сам он стал нашим заложником. Четверть мира в наших руках! А какова сила Бань Чана? Не сравнится ему с нами.

Но слова бидахша казались царю легковерными. Он чувствовал в его интонации неуверенность и странное волнение. Теперь он узнал, что Рустахам был прав.

– Если бы он не был уверен в своих силах, никогда не стал бы воевать.

Эмоции главного министра возросли, и таким тоном, каким он начал утешать царя, наоборот вселил бы странный, неизведанный страх в сердце любого человека.

– Да он сумасшедший! – наивно повторил Маидхара. – Но не волнуйтесь, Сотер мегас - великий спаситель! Мы не дадим ему совершить зло! Да, кто такой сам Бань Чан? Жалкий пёс вашего дворца, который сошёл с ума от укуса мухи. Но мы быстро приведем его в себя. Клянусь поставить свою голову перед страной, чем вынести позор...

Царь царей больше не слушал его, подал бидахшу знак остановиться, лишь сказав:

– Будьте любезны с воинами. Многие из них впервые идут в поход.

– Слушаюсь.

Маидхара вышел. Канишка облегченно вздохнул.

***

Царский караван продолжил свой путь. Лошади и верблюды стали подвижными, а люди неуклюжими, от усталости закрывались глаза, и никому не было дела до трёх полководцев Маидхары, Ванаспара и Заргуша.

Маидхара сказал:

– Наше дело должно закончиться до того, как мы доберемся до города Турфан.

– В любом случае мы должны победить. Это единственная возможность взять ситуацию в свои руки, – помечтал Заргуш.

– Что в таком случае скажет его отпрыск? – сомневался Ванаспар.

– Его я беру на себя, – пообещал Маидхара.

– И что ты ему скажешь? Извини, но мы решили твоего отца...

– Хватит! Выше голову! Изменится колесо истории: войска будут в наших руках, они будут почитать нас как победителей, а без армии слова принцев не будут действенными.

– Тише, – попросил Заргуш. – Кто-то подслушивает нас.

– У тебя, богатырь, не только имя, но и сердце заячье. В радиусе пяти тысяч шагов вокруг нет ни одного нашего противника. Эти камни не царский дворец, а эти горы не столица Каписы. Если боишься волка – не иди на охоту...

Караван царя шел вперёд. Только мысли царя царей всё время уходили назад.

– Если бы сейчас с нами был такой советчик как Астилхансиг... Куда бы ногу не поставил с надеждой на спасение, падаю в яму, в грот, болото. Лишь Астилхансиг в тяжелейших ситуациях своей мудростью освещал моё сердце и, успокоившись, оно находило верное решение проблемы. Пусто сейчас твоё место, надёжный друг. Зачем я отправил тебя в Лоянь...

Мысли царя царей остановились на Астилхансиге. А может, моя ошибка в том, что недооценил монаха? Ведь и раньше наставники предупреждали будущего царя: «Если хоть один человек будет наказан несправедливо или же посчитает себя несчастным, то грош цена его царствованию».

Ох, как он ни старался, но Астилхансиг и рабыня Анахита...

***

Либо посланники Канишки были умнейшими дипломатами, либо этому благоприятствовала сила могущественной страны, но визит Астилхансига тогда прошёл удачно. В Риме, Египте и краю подчиняющемуся Риму были достигнуты соглашения. Правитель Парфии, двести лет занятый заботами о Риме, радостно одобрил наступление Кушанидов на восток и дал обещание, что обеспечит спокойствие его западных земель. В Александрии обрадовались тому, что два арийских государства – Парфия и Кушаниды не хотят объединяться, и Кушаниды заняты Китаем, а это создаст условие для нанесения удара старому заклятому врагу. В любом случае Астилхансиг добился беспристрастности двух могучих империй.

Он выполнил и другие поручения царя: приобрел двадцать римских, хорезмийских и мервских рабынь. Он был ювелиром. Все рабыни были красавицами, но в душе он не был удовлетворён этим. По дороге в Бактрию, на рынке работорговцев в маленьком городке, Астилхансиг устался на продажную девушку. В ее глазах устремлённых в неизвестность, он прочёл что-то необычайное, и подумал, что она может стать украшением дворца.

Торговец начал хвалить свой товар:

– Красивая из красивейших, украшение богатырей... Её божественное имя – Анахит.

Астилхансиг открыл кошелек и, не торгуясь, заплатил столько, сколько попросил продавец. Тот обрадовался и быстро подписал соглашение о продаже.

– С этого дня, ты - её владелица, - сказал он. – И можешь сделать с нею всё, что захочешь. Ты, богатырь, приобрел небесное богатство и вечную жизнь.

Быстроходный, хорошо вооружённый торговый караван вышел в путь. Вечером стало прохладно. Днём небесная лампа поддерживала нежную теплоту в пустыне, но когда она исчезала, от холодного ветра людей бросало в дрожь, и они начинали скулить зубами. Астилхансиг вошёл в шатёр, предназначенный рабам, и приказал зажечь костёр, чтобы согреться. Анахиту позвал к себе. Каждый воспринял это по-своему. Анахита тяжело вдохнула, и послушно поклонилась ему.

Ещё на прошлой неделе она проводила своё счастливое детство в золотом дворце своего отца, разрисованном рисунками мастеров своего времени, а сегодня испытывала горькую участь рабыни. Она благодарила Бога за то, что в тяжелейшие дни своей жизни встретила с Лулу – девушкой из кочевых племен и её простые с виду Мантры осветили Анахите жизненный путь.

Лулу тоже попала в плен и научила Анахиту мантрам колдовства. Она занималась исцелением. Сначала Анахита не верила, Но потом изменилась. На второй день к их повозке подошел страшный мужчина тридцати пяти-сорока лет, посмотрел на девушек пожирающими глазами и сказал караванщику:

- Я беру обеих взамен на четырёх коней.
- Нет. Они стоят намного больше...

Сделка не состоялась, и кочевник поклялся забрать их силой. У Анахиты был жар, и мужчина потребовал исцелителя, чтобы он помог «девушке его мечты». От этих слов по телу Анахиты пробежала дрожь.

До того как нашёлся исцелитель, Лулу сделала доброе дело: сорвала несколько видов трав, которые росли на дороге, смешала их, помочила в воде и нанесла на своё лицо.

- Что ты делаешь? – удивилась Анахита.

– На моём лице появятся пятна, которые сделают меня уродливой перед глазами этого чудовища. А через три дня отравы потеряет свои свойства и кожа моего лица очистится, станет такой, как раньше.

- Дай и мне.

- Я сама намажу. Береги глаза. Для них существует другое растение.

Некоторое время спустя их глаза стали красными, а лица полны красных пятен. Мужчина – разбойник степей, пришёл пьяным, но всё же испугался и начал ругать всех.

- Не уберегли моих ангелов! Какой-то джин напал на моих невест.

Девушки горько плакали. А когда мужчина ушел, оба рассмеялись.

– Каждый раз, когда появятся трудности, скажи себе, что это лишь освобождение от ненужного и переход в светлый день. Повторяй эти целебные слова, - посоветовала Лулу. – Ведь в любой тяжёлой ситуации, даже в рабстве твой дух в твоих руках. Никто не в силах задержать или стереть твои мысли, и только на крыльях воображения ты сможешь полететь в края своих предков, в дом отца и осознать его во всей прежней красе, в мыслях поговорить с мамой. Отдай свободу своим мыслям и своей душе, и почувствуешь, будто никогда не покидала розария отчего дома.

Обоим было по пятнадцать лет, оба выглядели как игривые косули. Анахита была нежной, а у шаманки, от верховой езды и непростой кочевой жизни, руки и ноги уже были сильными, а хорошо развитые талия и бедра сделали её желанной добычей для мужчин, хорошо разбирающихся в женской красоте. Поэтому разбойнику Даргумону она нравилась больше. И он пообещал ей:

- Ты станешь главной волчицей в моей степи!

На удивление Анахиты, себе на утешение Лулу выбрала другое «заклинание»:

– Зря сопротивляюсь судьбе. Это сам Бог хочет помочь мне. Или это плод колдовства моего отца Уммо. Разбойник Даргумон – волк пустыни. В больших городах я задыхаюсь, а в пустынях чувствую себя свободной птичкой. Может моя судьба хочет, чтобы с его помощью я освободилась и осталась здесь. Тут я смогу найти верных моему отцу людей. Тут моя судьба...

Анахита сначала ничего не поняла. Потом в ужасе закричала:

- Как?! Ты пойдёшь с этим уродливым и грубым мужчиной?

- Главное, что его глаза полны любви.

- Ты дашь себя на растерзание этому Ахриману? Ты что, влюбилась в этого дэва?

Анахита ещё не знала, что такое любовь, всего несколько месяцев назад перед свадьбой своей тёти, начала представлять себе каким будет ее будущий принц: смелым и

богатым юношей, у которого только выросли усы и он, посадив её на быстрого скакуна, увезет в свой небесный дом. А теперь видела, что её сверстница выбирает демона.

Но Лулу была рассудительной. К ней и к её отцу приходило много страдающих. И среди кочевников жили люди, зараженные любовной болезнью или же разочарованные в ней. Лулу знала, на что способен человек, чья душа наполнена мечтами.

– Это и хорошо и плохо: хорошо то, что рядом с любящим мужчиной любая девушка ничем не уступает принцессе, а плохо то, что этот волк ни от чего ни откажется, дабы заполучить свою любимую, может нанести большой вред, и даже убить ни в чем не повинных...

– Неужели любовь так слепа, как говорят в сказках?

Шаманка была непоколебима.

– Для девушки, выросшей в жаркой пустыни, нет лучшего мужа, чем этот грубый, вспыльчивый и неотёсанный демон, как Ахриман, этот джин, этот дэв. Никто не посмеет обидеть меня. Неизменное чувство того, что я за надёжной спиной, даст мне возможность быть уверенной и спокойно растить детей.

Среди тёмной ночи трое всадников бесшумно приблизились к повозке рабынь. Тихо прозвучал голос Даргумон:

– По-доброму переседайте на наших коней!

Все восемь девушки с криком бросились к кучеру. Услышав крики, со всех сторон к каравану поспешили на помощь всадники.

Даргумон закричал, как пьяный верблюд и его голос, как гром посреди ночного неба раскатился по пустыне:

– Не подходите близко, а то отрежу головы этим девушкам!

Тогда Лулу сказала:

– Помилуйся над ними, человек пустыни. Я сама пойду с тобой!

Даргумон удивился. Лулу одним прыжком забралась на коня и ухватила за плечи Даргумона.

В мгновение он подобрел и заулыбался от счастья.

– О боже!

– Едем, скорей....

– О, да, едем...

По сигналу Даргумона разбойники поскакали в бездорожье, в сторону холмов. Спустя пару минут, никто уже не мог догнать их. Караванщик бранил разбойников, землю и небо, но потом утешил себя тем, что легко и дешево отделался от грозного хищника.

А на следующую ночь Лулу приснилась Анахите, и та сказала ей, что она счастлива.

– Я живу на свободе. Даргумон сделал меня своей законной женой. И дети мои не станут рабами. А ты постоянно повторяй целебную Мантру, мои молитвы защитят тебя.

Поистине, они помогли. Когда её сердце притесняла тоска по отчужденному дому и ласкам матери, она утешала себя словами: «Хватит. Сверкание того изумрудного дома и золотого перила отцовского дворца исходило лишь от сияния солнца. Моё тело покинуло то, что никогда не было моим: зачем мне теснящие платья, тяжёлые от жёлтого металла, который называют золотом? Они ещё тогда, на свободе не могли избавить меня от грусти. И теперь от них нет никакой пользы. Зачем нужны, пять слоев одежды, утяжеляющие моё тело? Ведь они надобились только от прохлады горного Согда, а в пустынях Бактрии и без них тепло и уютно.

Астилхансиг приглянулся Анахите своей добротой, и в его постоянных заботах и любезностях она увидела любовь. Проводить вечер рядом с заботливым чужестранцем в пустыне было чем-то прекрасным. Девушка грела свои руки.

Астилхансиг терпеливо сел за достархан.

– Сядь, покушай.

– Я уже поела, - скромно ответила она. Этика общения между хозяином и рабыней не позволяла этого. Но сейчас никого не было рядом, чтобы в чём-то упрекнуть их.

– Тёплый напиток, как снадобье придаст тебе сил.
– Благодарю, хозяин.
– Ты дорогая жемчужина. Я обязан в целостности и сохранности донести тебя до места назначения.

– Ануша буди... То есть, будь счастлив.
– Я понимаю тебя. Мы говорим на одном языке.

Девушка обрадовалась, но вдруг её взгляд пал на опечаленные глаза хозяина. Она поняла, что не стоит больше ничего говорить. Глаза хозяина говорили о том, что он всем сердцем влюблён в неё и жертвует чем угодно за её волнистые локоны. Нежное тепло огня, в уединенном уголке растопило лёд сердец, соединив их, друг с другом. Девушка подняла стакан и выпила шербет. Её щёки покраснели. Надетая овечья шуба стала тяжёлой ношей. Осторожно сняв её, она положила в сторонку. Хозяин на мгновение закрыл глаза и любезно улыбнулся.

– В комнате тепло, располагайся поудобней.

Девушка, как прирученная газель, без всяких помех выполняла все пожелания хозяина. На ней было плотное платье, подчёркивающее её стан. Сам хозяин вчера купил его для неё, чтобы она не замерзла. Дай медленно сняла платье. Лучи танцующего огня падали на раздетое тело девушки, обдавая его светом. Девушка не посмела снова посмотреть на хозяина, отвела глаза к священному огню и тихо ждала. Девушка покорила судьбе, подумав, что это могло произойти и вчера, после того, как она была куплена на базаре этим добрейшим хозяином. Потому обманывала себя:

– Я готова принять чувства и любовь этого доброго мужчины. Я буду рада каждому его требованию. Любовь хозяина Астилхансига не навредит мне. Его любовь обережет меня от плохих людей. Я тоже люблю его, ведь любовь самое – самое – самое лучшее проявление человеческих чувств.

Монах долго смотрел на неё. Бог знает, что было у него на сердце. Но он даже не дёрнулся с места, было неясно, дышит он или нет. Глаза не слушались его, лишь раз с ног до головы разглядев рабыню, они были не в силах оторваться от неё.

Девушка успокаивала себя:

– Надо радоваться. Радоваться, радоваться, радоваться. Я смешиваю все свои мысли с радостью, и с радостью принимаю это. Я люблю себя, потому что я здорова, моё тело красиво, нежно, очаровательно, оно дарит наслаждение. Прогоняю от себя плохие мысли, я верю в радость жизни, верю в свою красоту, верю в любовь моего повелителя. Сейчас я наедине с врагом, со сладким врагом, с господином, который хочет меня. Моё сердце бешено колотится, но это дарит наслаждение, дарит надежду на счастливое будущее.

Однако... Возникло непонятное для девушки обстоятельство. Волки её мыслей снова начали выть. Опять пропало настроение. Ведь господин молчит.

А хозяин хотел закричать от печали, от встречи с возлюбленной, с ее желанным телом, очаровательными глазами, локонами, но казалось, будто какая-то могучая сила связала ему руки, и он обязан был слушаться.

Девушка не видела всего этого и не знала. Холодное пламя сжигало ей сердце, и вдруг в нее подкралось сомнение:

– А вдруг я ошиблась. Может он, пожалев меня, пригласил погреться у огня, а я как дура ...

От этой неожиданной мысли неприятный холод привел тело девушки в дрожь.

Наконец монах, взял себя в руки и поднялся с места. С наполненным радостью сердцем, как пьяный сделал шаткий шаг. Тело девушки еще больше задрожало. Монах подошел ближе. Между ним и полуобнаженной девушкой, сгорающей в огне чувств, оставалось полшага. Но... та самая невидимая сила преломила протянутые к девушке руки хозяина, словно приказала, не поддаваться соблазнам. И хозяин смирил свои эмоции, вместо сердечных слов, снял с деревянного гвоздя на стене шерстной палас и осторожно накинул на голые плечи Анахиты, приказав:

– Молись. Кто твой Бог?
– Ахура Маздо. И мой спаситель...
– Хорошо. Не забывай о Богах... На рассвете отправимся в дальний путь. Я боялся, что ты простудишься в шатре. Здесь тепло и уютно.
– Спасибо.

Хозяин отошел в угол шатра, лег на одеяло и притворился, что заснул.

В сердце дайки появилась непонятная душераздирающая боль, пробежала по всему телу к горлу, но она, кусая губы, задавила эту боль. Ей чуть было не захотелось броситься в огонь. Но вспомнив слова Лулу, она прогнала недобрые мысли:

– Я не стану отчаиваться, я верю в светлое будущее. Меня ничто не беспокоит. Я с надеждой смотрю на все испытания судьбы. Всё, что происходит в моей жизни - от Бога, и происходит для моего же благополучия. Всё в этом мире создано для меня.

Она легла ближе к огню, положив голову к ногам хозяина, но огонь больше не согревал её. Девушка беззвучно стонала. Монах чувствовал содрогания её плеч, ему хотелось кричать, его сердце также разрывалось на куски. Но он ничего не мог поделать. Повелительный голос той невидимой силы, проникнув в сердце, подавлял непослушные чувства: «Ты обязан передать Анахиту в руки её истинного хозяина, ради кого ты приобрел её. Эта красивая наложница куплена не для тебя. Её ждёт царь царей»... Монах еще раз взглянул на желанное создание, на беззащитную, прирученную лань... И отвернулся...

***

Астилхансиг передал владыке заверения правителей Парфии и Рима о том, что с запада никакая опасность не грозит. Также сообщил, что идол – гадалщик из Сирии трижды давал стрелу, которая запрещала мстить и воевать с Китаем. Среди рабынь Канишке больше всего приглянулась Анахита, и он приказал отвести её в храм Ахура Мазды. Астилхансиг отыскал приказчика Нукунзака и отдал Анахиту.

Когда Анахите представили трёх сильных, разного возраста мужчин: приказчика Нукунзака, местного скульптора и греческого художника, сказав, что это ее новые хозяева, она чуть не упала в обморок. Последняя надежда развеялась в прах, и когда она осталась с ними наедине в зале, а Астилхансиг уставшими шагами вышел из храма, закрыв за собой дверь, ей показалось, что небо пало на ее голову.

Тем временем, художник и скульптор получали вдохновение.

– Представьте себе, что вы та, кого Господь сотворил свободной, здоровой и красивой и вы сияете счастьем в объятиях цветников родины.

- Представьте себе, что вы принцесса, богиня, и радостно шагайте по небу.

– Я на самом деле принцесса...

Они не знали подлинную историю девушки.

Прошли месяцы, годы. Зашёл Нукунзак. Анахита будто не существовала для него.

– Три года прошло, а вы до сих пор не выполнили дело, – упрекнул он. – Если не закончите до приезда царя, лишитесь своих голов.

– Слушаюсь, – опустил голову Шерак. – Статуя почти готова.

– Что значит готова? Кроме головы я больше ничего не вижу!

– Если бы этот утёс был головой...

– Хватит. Голова – как голова, краше не бывает. Что ещё нужно?

– Я не могу уловить взгляд.

Нукунзак посмотрел на Анахиту. Его глаза пробежали от пальцев ног девушки по голени, бёдрам, груди, шеи и до щёк, подобным белым яблокам с оранжевым оттенком. На душе сразу стало радостно, однако он тоже не мог понять её взгляда. Дайя была подобна цветку, но в её глазах было столько печали, что они заставляли одуматься каждого. Взгляд девушки был устремлен в небо, жаждал сочувствия, совести и справедливости.

Приказчику стало неловко, но через мгновение он вновь взялся за свое высокомерия, и чтобы усмирить сладкий, пожирающий душу соблазн, вдруг закричал:

– Выколи ей глаза!

– О, боже, упаси! Как!?

– У дайев вообще нет глаз. В их сердцах темнота, отчаяние, ненависть и беспомощность! Они же рабыни. Потому греки и оставляли дырки вместо глаз.

– Но я не грек, а бактриец. В Бактрии, как и в Индии нужны глаза и сердце.

– Хватит нести чепуху. Где грек?

– Платон на крыше.

– Тот отцеубийца на крыше, а ты, проклятый отцом под крышей с этой красоткой наедине только и делаете, что смотрите друг другу в глаза, затягивая мое дело.

– Имейте совесть, начальник....

– Если дела в храме не закончатся на днях, я все вам отрублю голову!

Нукунзак ушёл. Девушка оставалась безразличной, ни один волосок на её голове не дёрнулся. Но у Шерака совершенно пропала желание творить.

– Бедная моя голова. Вижу, как её положат под топор палача.

И вот, наконец, храм навестил царь царей Канишка.

Все стояли в поклоне. Царь одобрил статую богини Анахиты, натурщицей для которой послужила сама рабыня Анахита. Но не одобрил свою статую.

– Это не я, стан у меня не такой высокий и ровный, и лицо некрасивое. Почему обманываете?

Нукунзак нашел нужные слова:

– Греки рисуют своих правителей идеальными, а вы красивейший царь царей...

– Я не грек. Я ариец, из рода тоюэджих. Я воин, от сражений на поле битвы, защищаясь от мечей, стрел и копьев противника, стан у меня стал неровным, а такая борода воину ни к чему. Поглядите. Она у меня короче на один палец.

– Извините, о правитель мира...

– Подними глаза, художник, и ты, скульптор. Смотрите мне в лицо. Это не ваша вина. Нукунзак, чтобы угодить мне, заставил вас. А вы толком не смогли рассмотреть мое лицо. Отныне вы не обязаны поклоняться мне. Выше головы. Смотрите царю прямо в лицо, чтобы запечатлеть правильно.

Все старались улыбаться. Но как только царь вышел, их стон возвысился до небес.

– Горе мне! - сожалел художник. – Надеялся получить большое вознаграждение и...

– Всегда мне достается из-за глупости других, - плакал скульптор.

– Зашаталось подо мной кресло! – начал завопить Нукунзак. – Это вы, бездари свалили позор на мою голову!

Анахита, стоявшая до этого молча, внезапно рассмеялась.

– Мне кажется, не я тут рабыня. Это вы стали рабами своих пристрастий, должностей, золота. У вас не больше свободы и воли чем у меня. Я единственный счастливый человек среди вас. И так как я счастлива, я больше не даю. Дая не может быть счастливой.

Недолго думал царь царей о судьбе красивой рабыни после окончания ее работы натурщицей. Сама Анахита подала знак к спасению: сказала, что предпочитает остаться служить тому, кто купал её на рынке, доставил в столицу и представил царю. Канишка ничего не ответил. Анахите показалось, что царь обиделся и теперь отдаст приказ повесить её. Но он восхищался своим другом монахом Астилхансиг.

Через несколько дней, когда особый представитель царя собирался в Китай, Канишка попросил передать подарок китайскому императору, а дайю Анахиту, только после её согласия, продать в городе Лоян.

К сердцу дайи вновь подкралась надежда.

– Да, мой любимый Астилхансиг находится далеко за рубежом, сама я выдворена из страны, но ветер странствий отнесет меня к моему любимому. Но как найти его в

многомиллионном городе. А вдруг поможет случай... - она загрустила. – А жив ли он? Не разлюбил ли он меня за это долгое время? Ведь любовь мужчины в глазах. Не женился ли на другой?... Будь, что будет. Лишь бы еще разочек увидеть его.

Она не перестала верить в чудеса. Ей очень хотелось этого вожаемого мига встречи.

В Древнем Лояне согдийской рабыне долго не могли найти покупателя. Работоторговцы продали многих. И к Анахите подходили покупатели. Но дайка принимала болезненный вид, прятала свои прелести, окутавшись в материи, и подавала знак, что не хочет попасть в их руки.

Однажды монах средних лет зашёл на рынок купить свечей и желтой ткани на катхин для служителей храма. Анахита запела душевную песню на согдийском языке. Услышав песню, монах невольно зашагал в её сторону. Согласно обычаям буддистов, монахи даже не смотрят на женщину, но под влиянием учений Дао и Конфуция в Китае, буддизм приобрёл более мягкую форму: в сангхе могли служить и женщины, и некоторые монахи даже имели право пожениться и вырастить детей. Потому только приехавшим из Кушанской империи, поведение монаха показалось странным.

В тот день на небе города Лоянь для рабыни взошло солнце надежды.

Она сразу узнала его, и даже не разглядев лицо, начала петь другую песню:

– Все остались с любимыми, а мой пропал на чужбине...

Монах, протирая глаза, тихо шагал к ней. Сладкий голосок дайи заставил многих пересмотреть ее. Началась бойкая торговля.

– Куплю эту птичку за три мешка...

– Давай за четыре мешка кокона...

– Я не пожалею и шести мешков кокона высшего сорта!

И наконец, произошло чудо. Под доброжелательный смех присутствующих к дайе подошёл монах в жёлтом катхине. Их взгляды встретились.

Монах негромко произнес:

– Я куплю ее. Назовите любую цену.

Торговец посмотрел на дайю. В смятении чувств, она даже забыла подать знак согласия, но хозяин и без того всё понял. И облегченно вздохнул:

– Слава Богу, кончились мои мучения.

Другой откормленный покупатель предложил:

– За десять мешков...

– Нет. Во имя веры и для поддержки буддийской сангхи, в двадцать раз снижаю цену. Только пол мешка кокона на память. Скажи своё имя, монах.

– Ань ши гао. – И пояснил дайе. – Так по-китайски звучит моё имя - Астилхансиг.

Торговец достал договор, и оба подписывали его.

Анахита, не обращая внимания на текущие ручьем слёзы, тихо, но радостно произнесла:

– Вы уже второй раз спасаете меня на рынке рабынь.

– Третьего раза не будет. Обещаю тебе...

В Лояне в те минуты не было пары счастливей этой. Ань ши гао – Астилхансиг был так рад, что вскоре смягчил китайский буддизм и разрешил монахам создавать семьи. А встречу с Анахитой принял, как небесный дар.

Когда караван вернулся в Каписо, обо всём этом доложили царю царей. Канишка несколько ни удивился.

– Справедливо. Это мой друг, монах. Давно ещё должно было так случиться.

История гласит: Ан ши гао и Дхармамитра – первые кушанские проповедники буддизма, посланники Канишки, вошли в город Лоянь на белых конях. В их честь и был построен храм Баймаси – «Белый конь». Ань ши гао заработал большую славу, перевел на китайский язык около 30 сутр буддийских текстов.

***

Дальний путь каравана даёт волю раздумьям. Ох, как старался Канишка не допустить досадную ошибку. А может погрешность была в выборе приказчиков? Но как тщательно он их выбирал. А как разочаровался в министрах. Министры боялись его, но в любой подходящий момент могли ударить ножом в спину. Нужную информацию царь царей получал от айяров – ловкачей, естественно, ища среди них доверенное лицо. И такого человека царь увидел лишь в лице Маидхары.

Однако сегодня, этот доверенный, скача рядом на коне, думал о том, как выкопать ему могилу. На этот раз Маидхара собрал друзей. Настал подходящий момент: от проливного дождя можно было спрятаться только в палатках. Потому они, будто бы случайно собрались под одной палаткой, хотя все же не преставали ощущать страх. Маидхара, будто занимаясь осмотром войска, задерживался.

Ванаспар выказал Зайцу своё недовольство:

– Осмотр войска во время сильного дождя прославляет Маидхару, а нам хазорпатам – позор. Ибо мы не должны покидать свои места.

– Быть может, Маидхаре это и нужно?

– Зачем? Мы же все в одной лодке?

– В случае провала отбросит всю вину на нас, а сам останется чистым.

– Всего можно ожидать, но кроме бесчестия, это ничего ему не даст.

– Я боюсь предательства.

– Не каркай, а то беда сама придёт.

Послышался рев.

– Ой! Дэв проснулся!

Это был голос Маидхары.

– Царь догадывался о покушении, но точно не знал, кто они и чего добиваются. –

Двух силачей бросило в дрожь от услышанного.

- С чего это ты взял?

– Он спросил: доедем мы до Турфана или нет?

– Ну и ... что ты ему ответил?

– Сказал, что конечно доедем.

– Всё?

– Ну... Царь приказал позаботиться о воинах, в частности беречь полководцев.. И поимённо спрашивал о здоровье каждого. Просил дать вам хорошо отдохнуть. Я оставил охранников вокруг царского шатра и отдал строгий приказ: «Никого не впускать! Нужных людей, по приказу царя, сам отведу».

Воины повиновались. Ведь он министр, иногда замещающий самого царя царей.

А царь царей был в раздумье.

– Кому мне верить? Асвагхоша остался в далёкой Индии. Астилхансиг отстранился от дел, Гхошак пропал, остался лишь Маидхара... Ох, а я ведь даже не знаю что у него на сердце? Но ведь он сильный... и всегда был рядом. Когда-то на войне с Парфией... Маидхара – юный, храбрый воин, вошёл в доверие царя.

***

К концу правления отца Канишки Вима Кадфиза, Парфия захватила долину Кабула. Необходимо было нанести ответный удар. Вима не мог вести войско на войну. Потому выбрал Канишку. Его имя означало «младший лучший». Ещё в юности он, как принц, истинный последователь зороастризма, дал обет искоренить зло на радость всем арийцам. Тогда кушаниды верили в богов трёх религий Ахуро Мазду, Митру и Шиву. На монетах многих кушанских царей были изображены эти три бога. Позже Канишка добавил в это число и Будду. Принц был хорошо осведомлен об этих религиях. Из мудростей Шивы царевич научился примирению, считал, что мир находится в постоянном состязании богов, и был готов бороться за благоустройство этого мира. Митраизм учил тому, что Митра

является наставником почитателей и провожает души своих последователей через испытания семи слоев неба или, как еще их называют, семи фортунов. В каждом небесном слое они, очистив себя от негативных мыслей, свойственных грешному миру, возвышаются на следующую ступень и наконец, добираются до восьмого неба, где бесконечный свет и обиталище Ахурамаздо.

Хирбадон хирбад Митрадат повёл Канашку к новой группе:

– Эти воины Митры проходят первую степень.

Принц надел чёрный халат и вошёл в группу «Чёрная ворона». Их называли вестниками между Митрой и Солнцем. После выполнения обряда «Корвин», под наблюдением святого отца, они принимались в число верующих и теперь звались «Святая ворона». Надев маску вороны и характерную ей одежду, в ходе церемонии подражали этой птице. На собрании и во время трапезы святой пищи, они обслуживали гостей и последователей.

Принц налил воды из золотого кувшина на руки хирбада и подал ему чистое полотенце. Увидев это, воины поклонились к его ногам и заявили, что готовы достойно служить ему.

На другой день Канишке дали другую одежду и маску грифа.

На вопрос принца Хирбадон Хирбада ответил:

– Это группа второй степени. Называется «Гриф». Их считают скромными и затворными. Они проходят обучение и пока не обладают правом участвовать в религиозных мероприятиях. На этом уровне часто используется слово нимф, их лица скрыты под маской, они знают о тайнах религий, их символах и с помощью святых отцов заключают соглашение с Митрой.

В разгар церемонии зазвенел колокол. Когда «отец» притронулся к тарелке хаума, принц по своей воле начал играть с колоколом. Воины обрадовались и тоже принялись без перебора звенеть в колокола. От невыносимого шума дэвы убежали прочь от этого места.

На другой день к третьей группе, принц пришёл в военной одежде.

Монах сказал:

– Третья степень называется «солдат». Митра считается непобедимым «ангелом войны». Они уверены в своей победе и верят, что Митра воюет вместе с ними, помогая одержать победу. Они бились на двух фронтах: для защиты родины и против злых сил Ахримана. Солдатам этого уровня приходится терпеть и холод, и голод, доказывая свою храбрость. Хирбад собирался идти к другой группе, но Канишка остановил его:

– Я сарбоз – рискующий своей жизнью защитник веры и родины. Я готов к великим деяниям. Война - это не красивая сказка. Война - это меч, огонь, смерть, падение, терзание. Для защиты родины и войны против злых сил, я лично должен пройти все эти этапы.

Принц вместе с другими солдатами долгое время лежал в специальных ямах, чтобы ощутить энергию земли, запах глины и силу человека перед небесами. Затем на кровавом мече Хирбад отдал ему корону, однако принц, взяв ее, положил за пазуху и произнес:

– Я не буду носить ее на голове. Митра является моей короной.

Далее солдатам нужно было без доспехов и без мечей, с одним кинжалом в руках в полумраке пещеры сразиться с волком. Здоровый юноша Ганеш пошел на него с голыми руками. Когда голодный волк повалил юношу, он, вытащив из рукава что-то острое, пронзил волка прямо в сердце.

Все воскликнули от радости. Ганеш от чистого сердца предложил принцу своё новое оружие.

- Этот особый кинжал - **акинак** я изготовил сам. Он поместится в рукаве, сапоге, набедренном повязке, даже в шляпе.

– Как ты узнал тонкости этого дела? – удивился принц.

– Я сын кузнеца. Мой дед тоже был кузнецом.

– Ты не обязан идти на поле битвы, - сказал принц. – Войску нужно оружие.

Канишка сунул **акинак** в голенище сапога и с лёгкостью выиграл поединок.

Несмотря на строгость порядка в ритуалах, все поздравили его.

– Слава принцу!

– Слава Митре!

– Слава почитателю Митры!

– Митра победил в лице нашего принца!

Но Канишка засомневался в своей лёгкой победе и вынес полумёртвого волка на свет. Осмотрев его, нашёл в области грудной клетки небольшое, но глубокое ножевое ранение.

Принц сказал:

– Митра не любит ложь. Принесите здорового волка.

Битва началась заново. Но принц также ловко, ударяя кулаками по голове и брюху, ослабил и повалил волка на землю...

Следом они пришли к многоводному каналу. Тут привиделись странные испытания: связав руки учеников кишками цыплёнка, их бросили в воду. Они должны были самостоятельно развязать руки и выбраться из канала. Для этого испытания солдат готовили заранее, показывая разные пути спасения. Потому многие с лёгкостью прошли испытание: некоторые быстро и ловко развязали кишки, другие лежали на плаву лицом вверх, расширяя заплечье и двигаясь ногами. Ганеш и тут показал особое мастерство: прыгнув с высоты в воду, затаился под волнами. Надзиратели забеспокоились, засекая время.....

– Один, два... сорок... семьдесят... девяносто... Сто! Молодец, сдержал слово!

Голова Ганеша высунулась с другого берега. Все обрадовались.

Пришла очередь завязать руки принцу.

– Завяжите крепче, – потребовал он.

Он стал дожидаться, пока кто-нибудь толкнет его в воду. Но никто не осмелился. Этим молодым воинам через некоторое время было суждено во главе с принцем воевать с могучей Парфией. Тогда он сам прыгнул в середину водоворота. Когда счет дошел до семидесяти, его голова показалась на другом берегу реки.

Остальные испытания были несложными: подняться на вершину горы и босиком пройти по снегу, в пустыне босиком пройти по горячему песку. Проходя эти испытания, принц постепенно забывал свое прошлое и превращался в верного солдата Митры, с печатью на лбу.

Началась основная таинственная церемония. Храм был местом проведения различных религиозных торжеств и ритуалов, где само расположение имело особый символ. Церемонию богослужения Митре проводили в пещерах. Такие храмы-пещеры найдены во многих частях Европы: во Франции, Германии, Югославии, Италии, Румынии, Англии, Иране и др. Внутри или вблизи пещеры должна быть речка или другой источник воды. Так как природные пещеры были не везде, люди рыли глубокие и широкие ямы. Вход и лестницы строились таким образом, чтобы внутрь не проникал свет. Одним из главных правил храма была темнота, поэтому окон и дверей не ставили даже в главном зале. Удивительно, что поклонение Богу Света утренней зари проводилось в тёмном углублении под землей.

Вход в пещеру был узким и напоминал полумесяц. У входа было принято снимать одежду и надевать специальный халат. Перед учениками предстала небольшая комната. С двух сторон зала находились две разные комнаты. В конце зала был храм, и на одной из его стен была нарисована сцена принесения Митрой в жертву корову. С двух сторон храма были расположены печи со священным огнем. За входной дверью снизу находилась средняя каменная доска, которая имела символический образ и была подобна раковине или цветку лотоса, и в нём совершались специальные обряды. Потолок храма был покрыт изображениями Митра. Были и статуи помощников Митры, которые держали в руках горящие факелы.

Принц и сто его ровесников вошли в тёмную пещеру. Они удивились необыкновению этого места. Увидели столько необычных процессов, призывов и текстов молитв, что трудно было все запомнить. Смыв нечисть с тела в водах источника, они попросили у бога очистить их душу и помыслы. Хирбадон хирбад исполнял должность религиозного вождя и ставил на груди преуспевающих воинов знак-печать Митры.

Засияли лица. Каждый откусил лепёшку и выпил воды. Это знак вхождения в новую жизнь, как Солнце начинает новый день - Навруз. Монахи прочитали молитву, воспевая богов.

Священник, вместе со слугой «Светлая ворона», положив на край меча корону, протянули им, но те не принимали.

Принц Канишка заявил:

– Храм моя корона.

Другие повторили за ним. Хирбадон хирбад был доволен.

Внутри символической гробницы была статуя представителя Митры. Посмотрев внимательнее, они поняли, что этот красивый и храбрый юноша с мечом в руках Ариеса. Он сидел на корове и это был особый намёк на творение мира. Царя увидели в облике льва, с пчелой в зубах. Другие были в облике орла, сокола, грифа, а собаки шли за ними. Рядом стояли любимые женщины царя, все они были в маске голубей и звали их так же.

Очередное испытание было пройдено. Воины с трудом преодолели тёмную извилистую дорогу. Их оголённые тела били палкой 15 раз, что называлось «кнутом Митры». Затем они приблизились к огромной статуе Митры. По содержанию композиции, молодой «едино вечный» Бог, старался одолеть могучего быка. На его голове была арийская корона, как подобает царскому воину, одет был он в короткую рубаху и широкий арийский халат, украшенный военными доспехами. Рядом с ним стояли ещё две статуи. В руках одного из них горящий факел, а у другого перевёрнутый факел. Их род не был известен. Из глотки израненной коровы текло несколько капель крови.

Хирбадон хирбад объяснил:

– Это град с неба.

По правилам, принц Канишка обращаясь к статуе Митры, был обязан поклясться:

– Клянусь, содействовать в приумножении умных людей, ответственных за благоустройство Земли. Клянусь уничтожить любого вредоносного зверя. Клянусь вспахивать землю, сеять, сажать плодоносные деревья. Клянусь обращать чистую воду на сухие земли. Клянусь строить дороги. Если в течение жизни отступлюсь от своей клятвы, пусть меня изгонят из рая праведных – счастливого желанного места человечества!

Поклялись все.

Закончив, они вышли наружу. Люди ждали их наверху со стеклами в руках. Дорогу открыл красивый юноша на белом коне, с веером в руках. Люди пошли за ним и бросили в него стекло. Это старый обычай. Кроме старых мудрецов его смысл не был никому известен. Обряд Митры очень таинственен, и каждая её традиция имеет многообразный смысл. Тайны этой религии знают только те, кто дошли до высшей степени совершенства.

Принц обратился к храброму Ганешу.

– У тебя не только стальные мышцы, но и руки золотые. Воины награждаются за храбрость подарками и должностями, а я за твои крепкие доспехи и тот акинак дам тебе всё, что пожелаешь. Твоя мастерская находится у прииска меди и железа. Обещаю превратить твою лачужку в большой привилегированный город.

Ганеш не смог скрыть радости:

– Это давняя мечта моего отца...

Для многих солдат этого уровня было достаточно. Но для принца Канишки и дворян обучения и испытания продолжались. И они вновь успешно преодолевали их.

На четвёртой степени под названием «Лев» воины показали свою нравственную силу и умственные способности. По преданию, в Судный день землю настигнет большой

пожар. В нем сгорев, исчезнут нечистые люди, а праведные будто обмоются в чистой, прохладной воде.

Пятая степень - воздержанность. Символом степени воздержанности является полумесяц и серп, оба имеющие отношение к сенокосу. Очищение рук мёдом - знак изобилия, богатства и здоровья в телах арийцев. А луна считается хранительницей растений и скота. Среди таджикских земледельцев всё еще существует мнение, что лунный свет оказывает большое влияние на урожайность овощей и фруктов.

Шестая степень «Хуршед» - Солнце. Седьмая степень «Отец» или «Отец отцов», считалось высшей ступенью в религии.

Достижение этих степеней для принца было крайне важно, ведь кушанских царей, как и в Индии, Китае, Египте возвышали до степени полубогов. Достигнув высшей степени митраизма, они считались наиболее уважаемыми среди царедворцев...

Пятьдесят лет назад кушанское войско во главе Канишки, как лавина двинулось на Парфию. Царь Парфии, недавно захвативший долину Кабула и западные районы соседских государств, лишь теперь узнал, с каким могучим врагом он столкнулся.

Дело было даже не в силе армии, а в хитроумном подходе: в рядах кушанидов был ни кто иной, как сам Митра – самый почитаемый и в парфянском пантеоне богов. Быстротой молнии он надвигался то справа, то слева, то впереди, то из тыла. На щите Канишки умелые мастера изобразили позолоченный облик бога Митры. Когда Канишка выходил на поле со щитом в руке, луч солнца, падая на золотое изображение, ослеплял глаза противникам. Войско Парфии растерялось. Мало кто хотел поднимать меч против самого бога, хоть это было всего лишь изображением. В мгновение ока большинство повалились под лезвиями острого меча Канишки, либо стали заложниками. Когда же по приказу полководца Парфии отборные воины греков окружили Канишку, его войско, именуемое варджованд – вечные и священные, встретили их с достоинством.

У Канишки был быстрый и сильный конь, что давал возможность ловко перемещаться по полю. Парфяне, удивленные тому, как принцу удается воевать одновременно в разных точках, прозвали его «Асокан Гаис» – Маска Асоки, или Тень Бога.

Историки писали, что он воздействовал даже на расстоянии. А дело было и в молодом Маидхаре: он воевал в обличье Митры. Маска Асоки появлялась то рядом с палаткой предводителя аршакидов, то далеко впереди, то в тылу, то посередине поля. А воины, увидев сразу несколько Митр, просто убегали, испугавшись небесной кары:

– Спаси нас, могучий бог Митра!!!

Воины Парфии, большинство которых были арийцами, глядя на золотой рисунок эзида, увидели своё спасение в немедленном повиновении богу Асоке, и начали толпами сдаваться. Если бы битва продолжилась в таком порядке, исчезновение Парфии с карты мира уже тогда не составило бы большого труда. Однако...

По приказу Канишки на поле битвы вынесли тысячу парфянских военнопленных с завязанными руками и ногами, чтобы отрубить им головы. Сотни всадников с портретом Митры на груди, жаждущие крови, стали на бегу отрубать головы заложникам, тем самым желая припугнуть врагов. Принц сидел на золотом троне, наблюдал за ходом «приношения в жертву для Митры». Иногда до его ушей доходили знакомые имена просящих пощады, но чувство мести ослепило и оглушило его. Лишь когда заложников осталось меньше половины, и настала очередь молодого красивого юноши, царь узрел на его лице, царскую фарру – особое излучение света. Пленник отчаянно сказал:

– О, царевич, наша судьба в твоих руках, но знай, что мы пришли на войну не по своей воле и все мы из одного рода.

После этих слов, принца охватило странное чувство, и он спросил:

– Кто ты?

– Истинный ариец. Моё имя Астилхансиг.

– На каком языке ты говоришь?

– На языке наших с тобою предков, что были кровными братьями. Все мы дети одного отца и одной матери – Машия и Машиёна.

– Интересно, почему другие говорят на греческом языке?

– Они наёмники, или военнопленные греки.

– А ваши правители?

– Они тоже арийцы, аршакиды, из племени парн, с берегов реки Асов. Их речь отличается лишь интонацией. Уже 200 лет как они сами воюют с Египтом и Римом, для того, чтобы государство арийцев оставалось вечным. Парфия служит щитом для Бактрии от нападения римлян.

– Я вижу на твоём лице, Астилхансиг, царское сияние.

– Я из царской семьи, - сказал пленник. – Аршакиды считают себя единокровными с царями ахаменидов.

– Как жаль, что пятьдесят тысяч братьев по крови зря умерщвлены мною. Убийство кровных братьев – ужасное преступление.

Загрустил Канишки. Впервые осознал, что совершил несправедливое дело. Он не стал убить Астилхансига, и приказал вовсе остановить убийство пленных. Кровавые мечи застыли. Несколько тысяч отчаянных юношей заново обрели надежду на жизнь.

Эта беседа на время остановила колесо истории. Стороны заключили мир. На удивление парфян, Канишка больше ничего не потребовал кроме долины Кабула. Но ради обеспечения безопасности с запада, договорились, что возьмут в заложники группу из числа знати и царских отпрысков. Такого рода практика продолжалась много лет. В состав заложников официально попал и Астилхансиг, позже он стал близким другом Канишки.

Принц, как победитель и гость осмотрел города Ниса и Мерв. В этой поездке Астилхансиг стал его путеводителем и переводчиком. Обрадовался принц, увидев здесь свастику, колесо храмов Митры и Ахура Мазды – главных символов всех арийцев.

После этой победы столетний враг Парфия обернулся другом кушанцев. За это время здоровье Вимы Кадфиза стало ухудшаться, и он передал бразды управления государством Канишке. Вопрос о престолонаследнике решился легко. В Бактрии цари не были привязаны к трону, а детей считали продолжением собственной жизни. Поэтому ещё давно один из первых властителей Лухросп по своей воле отдал трон сыну Гуштоспу, а сам долгие годы занимался лишь поклонением Богу. Кушаниды продолжили эту традицию. И царь Вима Кадфиз, спокойно отдав трон сыну, стал проводить больше времени беседам с монахами.

***

А ныне, спустя пятьдесят лет после того победоносного боя, караван царя царей Канишки идет в сторону Турфана. И вместо добра он везёт смерть, а вместо китайского шёлка будет покупать жизни людей.

Сердце старого царя радовалось от цветущих оазисов по пути в Турфан. Впервые он собственными глазами увидел улучшения, достигнутые по его плану. Двадцать лет назад он составил развернутую программу по созданию райских уголков в стране, хотя министры и многие приказчики строили планы постройки своего рая.

Вся солнечная долина великой реки Оахшо с проточной водой подходила для земледелия. Договорились, что проведут два большие и длинные канала для земель левой части берега Оахшо. Везде где была вода, провели каналы, а где были лишь родники, для сбережения влаги, рыли туннели – подземные кяризы. В том числе у родника Чилучорчашма – сорок четыре родника – на пустыне вблизи города Тус, должны были вырыть подземный оросительный канал в сторону плодоносных земель. В первые годы дела шли быстро. Слуги и рабы подготовили одну четверть кяриза. Но потом деньги перестали поступать. Они попали в сети Маидхары, расставленные от столицы до краев империи. В жару пустыни было трудно работать, и они оставили эту затею. А на левом берегу, где вода священной реки Оахшо шла самотёком, каждый день, одаривая жизнью

все новые и новые земли, надзирателей было много, и работа шла гораздо быстрее. Каналы, выкопанные вручную, уже доходили до самого Каноранг - окраины южной части долины.

Спустя 1900 лет - в 30-е годы 20 века в долине была создана Вахшская Оросительная Система. Археологи после изучения засохшего русла канала, построенного во времена Канишки, установили, что ВОС со сложными инженерными постройками, проходила почти рядом и была одинакова по величине и размаху.

***

Когда караван царя остановился на берегу большой горной реки, трое подопечных договорились, что уже в Бадахшане поставят точку в этом деле.

– Пехота не будет сопротивляться, – пообещал Заргуш.

– Всадников я беру на себя, – сказал Ванаспар.

– Заткнуть рты знати – моя обязанность, – успокоил всех Маидхара.

Вдруг Заргуш обеспокоено поднялся и беззвучно намекнул, чтобы они продолжили разговор вдвоём. Медленно шагая, он прошёл мимо большого камня. И не ошибся. В тени камня, под предлогом отдыха, лежал Рустахам. Но он не знал, что Заргуш за короткое время, из Заяца превратился в пантеру. Не было времени для раздумий. Акинак полководца с легкостью пронзил сердце Рустахама. Убитый даже не успел понять, что произошло. Подоспевшие волки Ванаспар и Маидхара, несмотря на свой высокий сан, не побрезгали черной работой, быстро привязав к шее Рустахама камень, бросили его в реку. Никто об этом не догадался.

Но Маидхара остался недоволен:

– Больше не делай так, главная жертва впереди. Мы не должны спугнуть его.

– Этого я видел однажды около палатки царя, – оправдался Заргуш. – Он и есть доносчик Канишки.

– Он был просто охранником царской палатки, – отверг его слова Ванаспар.

– Сердце почуяло, что он неспроста к нам подошел.

– Ты побоялся незаурядного бездельника...

– Нет, он был серьёзной помехой, – вдруг защитил его Маидхара. – Если бы хоть змея пошевелилась под землёй, он догадался бы. – Я тоже заметил, что он настороженно наблюдает за мной. Я несколько раз ощутил его взгляд, но не смог уловить, откуда он исходит.

– Нужно отложить задуманное, – предложил Ванаспар.

– С этого момента спите в доспехах – приказал Заргуш. – Ешьте еду только после проверки. Сомневайтесь во всем.

Чтобы не припугнуть главную добычу, было решено отложить задание.

- Времени много. Посмотрим, что преподнесет нам судьба.

А царь царей на всякий случай взял акинак – детище оружейника Гандануша. Снова его охватила досада за совершенную ошибку. Трагедия Гандануша пробудила в нем грусть...

***

Несколько лет назад, когда Кушаниды собирались завоевать Индию, бидакш Маидхара зашёл в дом к Ганданушу–оружейнику и с порога воскликнул:

– О боже! Почему здесь тихо как в гробу. Кто этот дэв, который лежит как гора и перекрывает нашу дорогу? Если рассмотреть его широкий нос и рот, большие ямы, которые служат вместо глаз, его большие и кривые руки, можно предполагать, что он мой друг по имени Гандануш. Но как можно сравнить того шустрого и умелого юношу, похитителя женских сердец с этим старым дивом?

Да, это был тот самый Гандануш. Он лежал посреди разрушенного двора, похожий на обрубленное дерево, в окружении пустых кувшинов вина. Нет, он вовсе не голодал, и

ничем не болел. Он был полон сил. Но привыкший к ежедневным развлечениям, крепким напиткам, индийским и римским рабыням-красоткам, казалось, навсегда потерял свой рай.

Маидхара продолжил оживлять мёртвые души этого замка.

– Где те недалёкие времена, когда вести об оружиях Гандануша разлетались по всей стране, а их образцы возили в Парфию, Китай, Индию? Где те времена, когда творения моего друга Гандануша и его учеников покупали на вес золота, и богатство лилось в этот дворец как весенние селевые дожди?

– Ох, Маидхара, это ты? – будто во сне буркнул мастер-оружейник. По старой дружбе или по-пьяне Гандануш назвал главного министра по имени.

– Где тот дворец, в котором вечерами играла лунная музыка, а прекрасные девицы своим звонким смехом и нежными голосами притягивали самых влиятельных людей города?

– Ой, не говори... Не терзай мою душу – фыркнул оружейник.

– Где тот легендарный комплекс прииска и оружейная фабрика Гандануша, на окраине столицы, который называли тысяча первым городом Бактрии!?

– Ох, дайте вина, чтобы затушить мою боль.

Слегка пьяный помощник принёс ему кубок вина, и попытался объяснить:

– Пришёл богатый гость. Может, он захочет купить старое копьё. Поторгуйся с ним.

– Он не тот, за кого ты его принимаешь, – пьяно оттолкнул его мастер. – Он мой друг.

Гандануш встал с места, раскрыл объятия, но пошатнувшись, грохнулся на землю.

– Возьми его за ноги, – с улыбкой на лице приказал Маидхара.

Вместе с подмастерьем они швырнули оружейника в бассейн. Вода расплескалась по всему двору. Некоторое время спустя, выползая из воды, как крокодил, мастер отдышался и вошел в дом. Пока Гандануш переодевался, Маидхара начал рассматривать образцы оружия. Несмотря на беспечность Гандануша, все они сверкали как золото. Такие мечи и щиты были мечтой каждого воина. Гандануш был очень умным, а ум его использовался для убийства людей.

– У тебя на самом деле золотая голова, – сказал про себя Маидхара, примеряя доспехи.

Но Гандануш в последние годы не выходил из своей лачуги, в его сердце накопилось много боли и обиды. Два года тому назад во время испытания фейерверков произошёл взрыв. В итоге загорелся его небольшой замок, и почти вся семья погибла. Только две его дочери остались в живых. Но они предпочли бы смерть, чем такую жизнь. В результате пожара их тела сильно обгорели, особенно лица, и они были вынуждены всю жизнь ходить с закрытым лицом. Люди считали самого Гандануша – производителя оружия, виновником трагедии своих детей, а взрыв – божьей карой за смерти невинных людей. Вот так-то. Воюют цари, а страдают другие....

У главного министра великой империи не было времени. Маидхара передал оружейнику требования царя царей и оживил почти умирающего мастера. Десятки его учеников хотели узнать тайну производства оружия, но он не хотел по своей воле начинать производство. А теперь вместе с приказом царя, получил несколько мешков золота, десять военных специалистов, которые принесли железо и бронзу, большие кувшины, наполненные хорезмийским вином, четырех дай-рабынь, которые сразу же начали подавать красное терпкое вино.

Глоток вина семилетней выдержки из города Ниса омолодил старца почти на двадцать лет. Маидхара знал, как уговорить старого мастера.

– Нужны новые образцы. Я сам поведу войско.

- А мне можно поехать в Индию? Сына хочу увидеть...

- Нет проблем. Даю тебе срок - неделю. Понял, пяньчужка?

– За неделю сложно...

Но слово уже было сказано. В то время слово правителя считалось законом. Маидхара готовился к преступлению века. А Гандануш помогал ему, как мог.

Тому была причина...

Несколько лет назад один индийский купец оценил изготовленные им нержавеющие доспехи, лук и меч, и от радости подарил оружейнику красивую рабыню Индру, а она так понравилась своему новому хозяину, что Гандануш совершил бракосочетание и сделал её законной женой. Родившийся сын укрепил их взаимную любовь. По просьбе жены ему дали имя Арджун. Он был похож на Гандануша. У него было много детей, но почти все девочки. Маленький Арджун был любимцем отца, он часто обнимал его, с детства разрешал посещать главную мастерскую и показывал, как изготавливаются нержавеющие стрелы и мечи.

Опытный кузнец, впервые смешивая медь и олово, научился создавать мощную сплав для остроты головки стрелы и непробиваемого доспеха. Гандануш много думал о его прочности.

– Передняя и задняя сторона крепкие, даже железный меч не пробьёт... Уязвимо лишь место, где эти стороны соединяются. Стрела, сможет пройти и попасть в сердце воина. Он бедняга, надеявшийся на Гандануша, вдруг почувствует боль, вздохнёт и упадёт. А потом будет проклинать меня уже на том свете.

Однажды, когда Гандануш был вызван во дворец царя, к нему пришёл китайский купец. Он долго ждал мастера, но Гандануш опаздывал. После приёма он зашёл к знакомой своднице и до утра развлекался. Гость был его старым знакомым, и ученики проявили должное гостеприимство. Но рано утром его караван тронулся в путь, и потому он попросил продать ему специальный акинак. Никто ни имел на это право. Однако Арджун все-таки вынес ему кинжал. Это не было преступлением, Арджун лишь хотел сохранить достоинство отца, обрадовав гостя. Но один из подмастерьев позже рассказал об этом пьяному Ганданушу. Ученик давно испытывал ненависть к сыну своего наставника. Гандануш в гневе сказал:

– Арджун, я продам тебя индийскому купцу. Уходи.

Арджуна обиделся, но другого выхода не было. Как только не умоляла Индра. Она была рада тому, что её привезли в Бактрию, продали Ганданушу, и что она стала его женой. А теперь, когда сын вырос и стал настоящим мужчиной, его собираются отправить в далёкую Индию. Но решение Гандануша нельзя было изменить.

Караван индийского купца тронулся в путь через два дня, и вместе с ним ушло и сердце Индры. Она плакала с утра до ночи и три дня была в трауре. Больше никто не увидел её улыбки. Она проклинала Гандануша, но он не обращал внимания. Из Индии привезли других дай-рабынь, одна была краше другой, они играли в трубу, пели песни, не переставая, танцевали с утра до поздней ночи. Торговцы из других стран также вместе с золотом дарили рабынь и прислуг. Ничего не было дешевле жизни человека.

Вскоре произошла трагедия, тот большой пожар, унесший жизни. Арджун был единственный, кто остался целым и невредимым. Хорошо, что он был тогда в Индии. Как хотел старый, но еще не обессиленный оружейник найти сына и освободить его от рабства.

***

После тщательного освоения началось нападение Канишки на центральную и южную части Индии. В начале битвы слова Маидхары подтвердились.

Пока индусы были заняты внутренними раздорами, города и села сдавались без боёв, в частности Пала и известный город Гандхара. Но затем перед ними предстала большая армия. Как всегда, перед началом массовой бойни, с обеих сторон на поле вышли два богатыря. Было видно, что кушанский воин был храбрее и опытнее, но в самый решающий момент он свалился. Индуса звали Кара. Он сразил ещё несколько кушанских силачей.

Среди воинов был и Гандануш. Он объявился в Индии в поисках единственного сына. Оружейник задумался: «Если эти господа будут так воевать, то я больше никогда не

увиджу сына. Рассвирепевший Маидхара может поджечь всю деревню противников, или же оставив село в плотную блокаду, обойти его. В обоих случаях мой сын пострадает. Нужно найти какой-нибудь хитрый ход. С позволения бидахша он взял стрелу и нырнул в реку. Через пару минут высунулся из воды и незаметно перешел на территорию врага. Кара требовал нового борца. Гандануш хорошенько осмотрел его издали. Нашел единственное слабое место воина - между тыльной и передней частью доспеха.

За это время Кара успел сразить ещё одного кушанского богатыря. Воздались хвалебные слова, а раджа обещал ему свободу. В знак благодарности Кара высоко поднял правую руку и в этот момент Гандануш пустил стрелу. И конечно же она попала в цель. Крепкий борец машинально посмотрел в сторону Гандануша и благородно улыбнулся. Он хотел что-то сказать, но обессилев, рухнул на землю. Сердце Гандануша забеспокоилось.

Увидев падения своего борца на поле, войско Гхошака приступило к нападению. Гандануш побежал на поле, нашел убитого им воина и замер - на его лице он увидел себя.

– Арджун? – невольно сказал он. – Не может быть! Арджун– а– а– а!!!

Рев Гандануша донёлся до небес...

Когда об этом рассказали царю царей, ему стало жалко оружейника. И впервые он почувствовал себя виноватым. Может быть, отчасти и эта история послужила отчаянным шагом для царя царей. Многие области Индии сдавались почти без боя. Канишка искал причину и нашёл ответ в религии индусов. Совершенство философии просто очаровало царя. Индийский монах Асвагхоша стал его близким другом. Он и рассказал о Парамите – шести ступенях совершенства - Щедрости, Благородности, Терпеливости, Устойчивости в усердии, Созерцании и Мудрости. Многие были новы и удивляли царя царей. Как и рассказы об Индупрабхе:

«Трудно стало однажды жителям древней Индии. Раджа не согласился дать зерно из казны. Просил об этом и его сын Индупрабха, но раджа отказался. Тогда сын пообещал стать Деревом Желаний. Он сидел на центральной площади города и долго медитировал, пока по божьей воле не стал большим деревом. Его ветки росли и выполняли все людские желания. Обрадовался Бог и за такое усердие подарил ему четвёртое небо. Но Индупрабха попросил: «Молю тебя, Боже, веди мой народ по правильному пути, а меня, превратив того, кем я был прежде». Бог согласился, и дерево вновь стало юношей. Вот, что значит быть добродетелем».

Кушаниды решили не воевать дальше, а завоеванную северную и центральную часть Индии приобщить к государству Кушан на правах автономии. Так как, индусы считали, что вся земля принадлежит Богу, и незачем попусту проливать кровь. Значит, самому Богу было суждено отдать ее чужестранцу. Временно. Не увезут же они землю к себе домой.

А самое главное, Канишка пообещал в дальнейшем больше не отнимать человеческие жизни.

Все больше и больше его интересовал буддизм. Монах Асвагхоша рассказал о спасательной силе Амитабха. Вконец, просветлившись, Канишка дал обет:

– Я, Канишка, царь царей, обещаю Всевышнему: если я воистину обрету наивысшее бодхи и свершу истинное просветление, то в моей стране – империи Кушан, обладающей невообразимыми заслугами, добродетелями и великолепием, не будет адов, злых демонов, птиц и зверей, летающих и ползающих насекомых. Все живые существа, которые рождаются в моей стране, будут преобразованы силой моей Дхармы, мгновенно достигнут **аннутарасамьяксамбодхи** и не рождаются вновь в дурных областях существования. Все живые существа десяти сторон света, которые рождаются в моей стране, обретут счастье. И если они будут обладать каким-либо уродством, не почувствуют себя счастливыми, тогда не обрету я истинное спокойствие – просветление. Пока я есть царь царей, то все живые существа, которые рождаются в моей стране, будут знать свою счастливую судьбу вперёд, будут знать содеянное ими добро и зло. Если я не исполню этот обет, пусть не обрету истинное спокойствие – просветление».

По настоянию Канишки, в индийском городе Джаландар состоялся третий Сбор буддистов, где произошел спор между представителями различных конфессий.

Канишка сказал:

– Не нужно сеять раздор между последователями разных религий. Мы рады всем путям, соединяющим нас с Создателем вселенной, а ратовать на почве религиозных различий в пользу только нашим врагам. Во времена греков все мы были скитальцами, о родине могли только мечтать. А сейчас Бактрия свободна и принадлежит нам. Так почему же нам не начать благоустраивать ее? Надеюсь, новая вера утихомирит нашу горячую кровь, и поможет нам построить страну тысяч городов, настоящий рай на земле наших предков.

Собрание закончилось объединением всех племен и религий. То чего так хотел Канишка. И началось великое дело в великой Кушанской Бактрии. Индийцы нисколько не жалели о том, что стали подвластны кушанским царям. Они говорили, что не было на свете царя, который бы с таким рвением воздвигал буддийские храмы, не жалея на это десятки тысяч рабов, ценного дерева, золота, серебра и драгоценных камней. Они отдали приказ закупить рабов-ремесленников, и доставить их в столицу кушанидов.

Царь царей начал сеять добро, а Маидхара зло. Началось покаяние Канишки. Он обещал воздвигнуть лучшие в мире буддийские храмы и величайшие статуи. И сдержал своё обещание. Военнопленные заложники получили множество льгот, были построены многочисленные храмы, чтобы они молились о пощаде и находились под защитой своих покровителей, невольно отлученные от родины, не отделялись от своего Бога.

А Маидхара обещал нажить себе богатство, и не удовлетворившись жалованьем советчика, с хитросплетениями появлялся в нужное время, чтобы предложить услуги, и начал получать ряд должностей. У него появилась привычка выполнять приказы царя, уполномочив при этом людей, кого должны были наказывать за большие грехи. Мысленно они уже распрощались с жизнью, а тут появлялся Маидхара и шуточно пообещал: «Считай, ты уже лишился головы, и тебя уже нет. Но я подарю тебе новую жизнь. С условием, что ты отдашь половину своей жизни мне. Что ты должен делать? Выполнять обычную работу, руководить строительством, земледелием. Тонкости объяснит мой помощник».

Вор узнаёт вора и в тёмную ночь. Помощник Маидхары, пьяным всегда клялся богом, хотя не был страстным последователем ни одной из религий. Грешники, получившие вместо наказания обычную работу, выполняли все его приказы. Всю нужную сумму Маидхара брал из казны, а им отдавал лишь половину. Они строили города, здания, мосты, осваивали целину и выполняли «маленькие просьбы» поручителя: проводили каналы рядом с бесконечными землями Маидхары, строили сразу несколько дворцов и дарили его родственникам. Никто не мог пожаловаться царю, ибо Маидхара говорил от имени царя и считал все земли, мосты и мельницы царскими, хотя сам пожинал плоды.

Так, главный министр объединил вокруг себя несколько опытных отморозков и через них вёл дела. В хитросплетениях ему не было равных. Так запутывал все расходы и доходы от вновь орошенных земель и мастерских, что при проверке сам чёрт ногу сломал бы. Вслучае чего, обвинял во всём селевые дожди, засуху, непослушных и ленивых рабочих.

Потому и не понял Канишка, какое чудовище он вырастил в своих объятиях.

***

Караван смерти продолжал путь в Китай. В каменистых горах не было ничего кроме холодной воды и тающего снега, поэтому караван старался поскорей покинуть это место. Среди высоких гор Бадахшана, заговорщики пожали друг другу руки, и казалось, что весь мир перешёл в их ладони. Маидхара показал свои знания.

– Издавна Бадахшан служил надёжным щитом арийцев от восточных соседей.

– Или наоборот? – запротестовал Заргуш. – заграждал нам путь и защищал китайцев от нашествия Джамшеда, Ахаменидов, Кушанидов?

Задумался и Канишка. Бадахшан защищает Ариану лучше всяких войск.

В честь приезда царя царей в центре Бадахшана устроили большой пир. Он состоял из многих обычаев различных арийских ритуалов и традиционных праздников. Это был и Навруз и Мехргон и все другие праздники вместе взятые. Канишке показалось, что горцы зорко следят за чистотой всех древних обрядов. В долинах под влиянием приезжих и гостей постоянно что-то менялось, а тут среди высоких гор, всё старое сохранилось. В песнях и танцах артисты высказали думы и чаяния народа. Под конец царь царей понял: народ, уставший от войны, хочет праздника. В буддизме это считалось озарением. В который раз, в пути к царю царей приходило просветление.

Среди высочайших гор ночь наступала быстрее, и вскоре все легли спать. Но царь не мог заснуть. Воспоминания прошли перед глазами, как вереница событий.

Вот он, счастливый мальчишка 13 лет. В праздник куштибандон ему надели пояс зрелости зороастрийца. И он поклялся: «Заклинаю дэвов! О Ахура Маздо, Создатель Вселенной. Я стану твоим последователем! Хумат! Хухт! Хваршта! – Добрая мысль, Доброе слово и Доброе дело!»

И он не отступил от своей клятвы, всю сознательную жизнь старался выполнять свои обязанности – боролся за чистоту веры и порядочность. Мудрость всего мира сплотилась в единое, и проникло в сознание Канишки. Затем он превратился в странное светящее существо. Мысленно Канишка разделился на тысячу светящихся частиц, передававшие луч надежды и счастья другим. В «Пяти шилах» буддистов – «Не убивай. Не воруй. Не лги. Не прелюбодействуй. Не пьянствуй» он увидел и зороастрийскую триаду – Хумат! Хухт! Хваршта! А в постулатах последователей Шивы увидел мораль зороастрийцев: «Пусть стану я лекарством для тех, кто нуждается в лекарстве. Пусть стану рабом, для того, кто нуждается в рабе. Пусть я стану мостом для того, кто нуждается в мосте».

- Но почему, - подумал царь царей, - они не расположены ко мне благосклонно? Сегодня ни одна из принятых религий не помогает объединиться, развязать узел? Сгустились краски. А может я ошибся? Где же я допустил промах? Где упустил?

И вот он уже сидит на белом ковре рядом с молоденькой гадальщицей Лулу. Он снимает корону. Но в эти секунды чувствует, что он не царь, не властелин четверти мира, а просто, уставший от забот мира, дряхлый старичок. Всё вокруг негосгорело. Что же это было? Гадальщица указала на ошибку владыки. Но где она, ошибка?

В его мыслях опять появился Маидхара, и пробурчал:

– Измена! Наш спаситель, Сэ проиграл войну, и в Турфане и в Кучаре.

Может, нашей святой религии недостаточно влияния зороастризма? – подумал царь. Появился мобедон мобед – главный жрец в костюме последователей Митро и объяснил: «Только перед Митрой человек имеет достойный статус, и только великий Бог Митра сможет осчастливить человека». Перед глазами Канишки прошли семь долин испытаний последователей Митры. Вот он сам, одолевает эти трудные испытания — бегаёт босой по снегу, по горячему песку, поднимается в горы, прыгает глубоко в воду...

Он отомстил аршакидским царям Парфии за Маргианы, отправил тысячи людей за попытку переворота в Индии на тот свет и строго наказал индусов. А теперь хочет перевернуть весь Синцзянь за измену своего ставленника Пан Чена в Турфане...

Вдруг к Канишке вновь пришло озарение.

– Может, это и есть моя ошибка, отступление от клятвы перед Богом? Ведь я обещал впредь не убивать людей?

Второе «Я» царя царей, в спешке бросив узды коня оруженосцу, заявило:

– Не я один виноват в этом. Времена такие. Обстоятельства принудили. Для сохранения родины в безопасности пришлось сжечь частицу мира, во имя целостности моего народа я наказал его сотую часть.

Вспомнил неоконченные дела, недостроенные здания. Почему они остались на полпути к раю? Ведь он всегда выполнял требования строителей и ученых, давал им необходимые материалы и деньги. Кому же он верил три десятка лет? Ворам? Мошенникам? Разбойникам?

Наплывом появился Асвагхоша, монах, впоследствии ставший его представителем в Индии, и мягким тоном объяснил царю царей:

– Ты убил тех, кто не желал тебе зла; пролил кровь тех, кого никогда не видел. И как после этого смеешь надеяться на милость Бога? Вспомни надпись Ашоки – прославленного царя древней Индии: «Победа Дхармы важнее других побед: войной можно подчинить себе часть земли, но приблизить к себе сердца всех людей добром намного труднее. Лезвие меча проливает кровь, а Дхарма поднимает фонтан любви и всеобщего признания. Победа силой и убийственным оружием приносит мгновенную радость, но победа Дхармы навечно осчастливит человека. А главное условие победы Дхармы — это победа над собой» ...

Канишка вспомнил свою клятву построить рай на земле в доверенной им Богом стране кушанидов. Он старался отдать этому делу всю жизнь. Но коварный Маидхара просто издевался над ним. «К чему теперь покаяния? – в сотый раз спросил он себя самого. – Всю жизнь я, как истинный правитель, ломал, сжигал, отрывал головы. Хотя буддизм учит: «Кто был сначала злым, а потом исправился, становится подобным луне, которая вышла из-за тучей. Кто исправит себя добрыми деяниями, становится подобным тому, кто вообще не совершал зла». И «Авеста» Заратуштры подтверждает, что двери покаяния всегда открыта перед Богом. Это смысл всех религий мира.

Далее он увидел сон, или это были раздумья? Он оказался в городе, где всё было сожжено, а под ногами хрустел густой слой горячего пепла...

Утром они продолжили путь. Тёмные мысли продолжили лезть в седую голову царя царей. И вдруг он воочию увидел сгоревшее селение. Это был след его же армии, которая недавно наступила на Китай под предводительством Сэ. Он приказал уничтожить село за то, что его жители отказали дать им последний кусочек своего хлеба. Канишка подумал: «Совсем недавно этот небольшой многолюдный городок жил среди высоких гор, днём и ночью непрерывно оглашаясь всеми видами звуков – рёвом ослов, ржанием лошадей, грохотанием колесниц, боем барабанов и бубнов, музыкой и песнями, возгласами приветствий, аплодисментами и криками: "Ешь, пей, веселись!" И в одночасье, от моего имени исчез с лица земли. Вместо того, чтобы от моего имени построить новые.

Перед караваном предстала горная переправа. Узкая горная дорожка обрелась в шести местах. И в секунды тяжёлых раздумий царя царей случилось то, что перевернуло судьбу всего мира. Его конь, почувствовав слабость рук царя, осмелел, и хотел перепрыгнуть небольшой обрыв. Но из под его копыт выпрыгнул небольшой камень, и конь поскользнулся. Телохранители, идущие рядом, вовремя подоспели к царю. Он выпрыгнул с коня, который ушёл за камнем в глубокую щель, но ударился головой об камень.

Бесчисленная армия великих Кушанидов остановилась.

Мгновенно подоспели лекари, воины живо соорудили палатку. Рана была неглубокой. Через час Канишка пришёл в себя, но его бойцовский дух не восстановился.

– Это знак свыше...- говорил он туманно. – Я вызвал гнев Богов. Я отступил от своей клятвы...

Поняв его состояние, главный лекарь дал ему снадобье, чтобы Канишка успокоился и крепко заснул. Но раненный шахиншах отказался его принимать и попросил просто оставить его в покое. Лекари покинули палатку. Из щели палатки была видна неопишуемая красота великих гор и часть сожженного города. Это не давало ему покоя. Царь чувствовал себя опустошенным. Мысли вмиг ушли куда-то далеко. Ему казалось, что он слышит небесный голос, слова из старинной индийской книги.

– О, человек! Близится время ухода твоего из этой Яви. Признаки Смерти в ощущениях таковы: погружение Земли в Холодную Воду.

Царь царей вмиг почувствовал, как погружается в воду, а затем горит в огне. Голос свыше продолжил.

- Твое Сознание, зияющее, растворенное и нераздельное с Великим Блеском Предвечности, не знает рождения и смерти. Оно и есть Вечный Свет. Найди Луч! Найди Свет! Найди Озарение! Увы. Ты не смог. Надо было трудиться еще там, в земном существовании. Памятование души начинается при жизни, задолго до смертного часа. Увы! Такая духовность так редка, а распахнувшееся озарение так неожиданно, что вмиг равновесие нарушается, и сквозь очередное беспамятство мы летим в нижние пределы Бардо...

Царь царей с ужасом открыл глаза. Буркнул про себя: «Хорошо, что это был лишь сон» ...

Но вот, опять замутилось сознание, и он упал в чёрную яму. Однако в бездне показались ослепляющие лучи света. И началось гадание Лулу. Появился огненный Волк Герехмо. Из рта Лулу хлынул яркий огонь. Волк не выдержал и исчез. Появился Дракон. Из его пасти хлынуло пламя. Всё вокруг сгорело дотла. И Канишка тоже. Открыв глаза, он увидел сожженный город в Бадахшане и услышал голос Лулу.

– Если не сбываются благие желания, хоть одного подданного, значит, ты погубил их. Если твой чиновник незаслуженно обидел подчиненного, злоупотребляя властью данной тобой, значит, это ты обидел его, а если кто-то обижен на царя, это равносильно тому, что ты пролил их кровь.

Лулу исчезла. Привидение из Бардо снова повысило голос:

- Соединись с собой! Соединись с лучом!

Он пытался, но каждый раз попадал в черную бездну. Вдруг впереди появился ребёнок, похожий на самого Канишку. Голос небес последний раз окликнул:

– Это ты. Выбери континент, где высятся Храмы с желтыми бриллиантами в золоте. Войди туда, если сможешь...

К его губам преподнесли краешек пиалы. Царь выпил глоток снадобья. Открыл глаза и увидел себя в палатке, в Бадахшане.

– О Боже, – удивился он, – я до сих пор жив? Ахура Мазда подарил мне еще несколько мгновений. Это неспроста. Но зачем?

Он почувствовал, как всё внутри перевернулось. Пожелал, чтоб быстрее наступил рассвет.

– Нужно все изменить. Устроить все иначе. Единая империя, единый царь, единый Бог. Можно обойтись и без Турфана!

В присутствии слуги он обратился к облику фурухаре:

– О Ахура Маздо! Я виноват перед тобой. Я поджигал то, что обязан был хранить как шахиншах, убивал тех, кого должен был защищать как шахиншах, я сам, своими руками посягал на священный рай, созданный тобою на земле! Полководец Сэ действовал от моего имени, поджигая и оскверняя райское царство, построенное мной за полвека. А я, вместо покаяния, во главе сотен тысяч головорезов иду поджигать остаток твоего рая, умерщвлять народ, созданный Тобою... Я несу смерть, разрушения, боль. О Боже, прости меня. Ты дал мне несколько мгновений жизни, чтобы я осознал это. Я готов. Я обязан потушить этот огонь и предохранить земной рай.

Слуга удивлённо посмотрел на больного царя и подумал, что нет жалостливее существа, чем умирающий царь. Канишка говорил отчётливо:

– Возвращаемся... в столицу.

Слуга подумав, что рассудок царя замутился, снова дал ему снадобье. Опять затуманилось сознание царя царей. И услышал он знакомый голос.

– Поздно уже. Соединись собою. Соединись!

Наступила пора озарения. Канишка понял, что попал в ловушку Маидхара. Он все же достиг своего. Нет уж, – не согласился с явью раненный шахиншах. – Я не дам ему окончательно разрушить мой рай. На то я и царь...

С трудом взяв в руки перо, он написал несколько слов сыну Васишке: «Передай меня земле по всем обычаям кочевников доюэджи».

- Васишка знает, как поступить, - подумал Канишка. - Не раз ему рассказывали об этом дворцовые учёные. После обоснования в Бактрии, доюэджи отказались от этих ритуальных обычаев. Но иногда они необходимы.

Сердце царя екнуло. Он почувствовал, что скоро прибудет Маидхара.

Вскоре без предупреждения, в палатку вошли Маидхара, Ванаспар и Заргуш. Царь подумал: «Чего ему не хватало ему? Ведь Маидхара воистину был полновластным владыкой страны. К чему цепляться за то, что уже давно в руках?»

Буддийским спокойствием царь царей посмотрел на незваных гостей и даже не пошевелился. Лишь сказал своим убийцам:

– Уже прибыли?

Испугавшись, от неожиданности Маидхара нарушил сценарий покушения, быстро схватил подушку и сдвинул лицо Канишки. Двое других без приказа начали удерживать его за руки и ноги, и давили на горло. Но в этом не было необходимости. Разочарованное сердце царя давно остановилось...

Письмо дошло до Васишки и сын выполнил последнюю волю отца.

Но Маидхара глубоко ошибся. Подумал, что он хитрее всех, но судьба решила иначе. Васишка, соблюдая все ритуальные обычаи, похоронил Маидхару как друга и вечного спутника рядом с отцом.

Кушаниды, при молодом царе Васишке и его братьях, еще долго правили Бактрией, увеличивая богатство и присоединяя большие территории. Но позже страной завладели Эфталиты...

История бессильна:

Спустя восемнадцать столетий забвения историки установили имена всех кушанских правителей, но точное время правления многих не выяснены; нашли сотни монет, выкопали могилу богатой женщины, но не смогли узнать её имя; выявили памятники, скульптуры, шедевры живописи, но не смогли узнать имена их создателей. После нашествия арабов, в IX веке н.э. мы сами разрушили всё, что создали наши предки...